ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

О.Д. Минаева, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории и правового регулирования отечественных СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: ominaeva@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМЫ ВОЕННОЙ ПРОПАГАНДЫ В СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ ДЛЯ ЖЕНЩИН (1920—1930-е гг.)

В статье анализируется содержание и формы военной пропаганды в советских журналах для женщин в 1920—1930-е гг. Это исследование позволяет проследить, как создавались образы героинь этой эпохи, как транслировались ценностные установки для женщин. Тема военной подготовки женщин была актуальна весь указанный период, она связана с пропагандой борьбы за равноправие женщин, за овладение «мужскими» профессиями. Кроме того, формировалось представление о том, что женщина может и должна с оружием в руках защищать свою страну.

Ключевые слова: *история советской печати, военная пропаганда для женщин, советские журналы для женщин, образы женщин 1930-х гг.*

There is an analysis of the content and forms of military propaganda in Soviet magazines for women in 1920—1930's in this article. This research helps to see how to the images of the heroines of this era were created, how the system of values was translated. The subject of military training for women was relevant all the mentioned period, it is associated with the promotion of the fight for equal rights for women, for the possession of "male" professions. Also, an idea of what a woman can do and should do being up in arms to defend their country was formed at this time.

Key words: *history of the Soviet press, war propaganda for women, Soviet women's magazines, women's images of the 1930s.*

Периодические издания для женщин в силу их больших тиражей и высокой периодичности можно рассматривать как убедительный пример трансляции идеологически выверенных стереотипов поведения и образов. Женщины составляли наименее образованную часть общества, т.е. женские журналы обращались к малообразованной или совсем неграмотной аудитории.

Военная подготовка советских женщин стала одним из важных направлений партийной пропаганды в 1920—1930-х гг. Эта тема реализуется в женских журналах в форме постоянных рубрик «Страничка обороны», «Наши коммунистки», «Воспоминания работниц», «Враг не дремлет», «Работница и оборона страны», «На оборону страны», в рубриках о событиях международной жизни.

На первом всероссийском съезде работниц и крестьянок в ноябре 1918 г. И.Ф.Арманд заявила, что «женщина должна пойти и на фронт. Она там необходима в качестве сестры милосердия, агитатора, красноармейца. Старый предрассудок, что вооруженной борьбой может заниматься только мужчина, революцией ликвидирован»[1]. Таким образом, военная подготовка и участие женщин в обороне страны связаны в этом высказывании с борьбой за их равноправие.

Важный момент отмечен в инструкции Отдела по работе среди женщин при ЦК РКП(б), выпущенной в 1920 г. в результате обсуждения возможной воинской повинности для женщин. В документе говорится, что наряду с главной задачей вовлечения женщин в процесс военного обучения — «защиты пролетарского отечества от врагов» — решаются и общие задачи: «женское население должно было приобщаться к трудовым навыкам, приучаться к массовому действию, физически развиваться, повышать культурный и политический уровень» [Алферова, 2011, с. 318].

Таким образом, тема «женщина — защитница социалистического отечества» решалась в общем ключе борьбы за равноправие женщин, с акцентом на «новые» знания и умения, которые женщины получали наравне с производственным обучением и общественной работой. В СССР довоенного периода неоднократно подчеркивалось, что женщины впервые в мире хотят не просто помогать мужчинам на войне (перевязывать раны и ухаживать), а готовы защищать страну с оружием в руках. Женщины обучались стрельбе, проходили медицинскую подготовку, занимались конным, парашютным и планерным спортом, их учили приемам химической защиты. Все эти виды военной подготовки активно пропагандировались на страницах изданий для женщин.

Применительно к разным слоям трудящихся женщин партийными органами ставились различные задачи в военной подготовке, и печатная пропаганда должна была эти различия учитывать. Скажем, военная пропаганда для крестьянок велась предельно упрощенно: «крестьянке необходимо подчеркнуть, что победа капиталистов над нами означала бы» возвращение кабалы помещиков, новые деникинско-врангелевские карательные отряды и грабеж[2]. К образованным женщинам печать обращалась по-другому: приводились конкретные примеры участия врачей и медсестер, жен офицеров и жительниц прифронтовой полосы в боевых действиях, примеры их героизма и вклада в победу. А вот для работниц чаще публиковались очерки и рассказы со сложным сюжетом, со множеством событий и счастливым финалом. Женщины, побывавшие на войне, изображались только героинями, совершившими подвиг.

[1] *Блонина Е.* (*т. Инесса*). Задачи работниц в Советской России // Коммунистическая партия и организация работниц. Пособие для пропагандисток. М., 1919. С. 17.

[2] См.: *Шестакова Е.* Как ставить военную пропаганду // Коммунистка. 1927. № 9. С. 38.

За двадцать лет между двумя войнами — Гражданской и Отечественной — выросли поколения девушек, которые воспитывались в условиях «железного занавеса», цензурного контроля Главлита, массовой работы пионерской и комсомольской организаций, воспитывались новой (советской!) школой в рамках новой идеологии. Они знали о войнах только то, что говорили газеты и журналы. Опыт Гражданской войны был очень важен для формирования патриотизма и желания воевать у девушек 1930-х, поэтому пусть схематично, но отсылки к подвигам женщин той эпохи делались обязательно практически в каждом очерке или рассказе, где речь шла о ценностных установках.

Образы героинь военной пропаганды

В 1930-х гг. происходило формирование корпуса новых героев — советских, в котором наряду с героями Гражданской войны особое место занимали летчики. Рекордные перелеты В. Чкалова, С. Леваневского и других, в том числе женских экипажей: П. Осипенко, В. Гризодубовой, М. Расковой и других, активно освещались в печати. Не удивительно, что лучше и больше всего женские журналы рассказывали именно о героинях-летчицах. Это самая романтизированная профессия, это зримый символ равноправия, завоеванного женщиной, и новой эры покорения природы, освоения сложной техники. Да, равноправие завоевали и женщины-сталевары, но романтики в их профессии маловато, несмотря на усилия журналистов найти ее. Именно летчицы — самые любимые героини в 1930-е гг.[3]

Вот как рисуется образ полета в стихотворении Г. Зацепиной:

Ревет мотор, гудит мотор
Блеск солнца, ширь, снега.
Вверху простор, внизу узор —
Под снегом города.

И если шаг лишь ступит враг,
Она пойдет на бой.
Бойцом чтоб стать и жизнь
Отдать за класс рабочий свой.

[3] Вот, например, перечень публикаций о летчицах из одного номера «Работницы»: Праздник советской авиации // Работница. 1939. № 23. С. 5—6; *А.П.* Тренировочный полет // Работница. 1939. № 23. С. 8; *Штолькина Н.* Хочу стать хорошим летчиком // Работница. 1939. № 23. С. 8; *Колоссовский М.* Пилот Рыжикова // Работница. 1939. № 23. С. 9; *Севрюгов К.* Ткачиха-летчик // Работница. 1939. № 23. С. 9.

Ревет мотор, гудит мотор
И женщина-пилот
Бесстрашно мчит, полет стремит
К коммуне, ввысь, вперед![4]

В этом примере актуализированы сразу несколько смысловых посылов: образ полета, образ движения страны вперед, желание летчицы защитить страну. Образ полета: стремительный, мотор ревет, солнце блестит, простор неба и под крылом — заснеженные города. Образ страны — страна труда, в которой рабочий класс дал наказ девушке стать летчицей, страна стремится вперед, к коммуне — это движение символизируют летящие вперед советские самолеты. Ну и девушка в случае нападения «пойдет на бой», чтобы «жизнь отдать» за свой рабочий класс. Это типичное для женского журнала стихотворение, в котором образно закрепляются в коротком варианте основные идеи, высказанные во множестве прозаических журналистских произведений. Часто такие стихотворения примитивны, просты. Но иногда в них встречаются очень интересные образы, развивающие и эмоционально обогащающие содержание журналов. Например, запоминающийся образ создан в стихотворении «Коньки» Н. Берендгофа[5]:

...Жизнь как наша молодость,
Мчится на коньках...
И дыханьем холода
Вихрь поет в ушах!
Это наша молодость
Мчится на коньках!

Образ мчащейся на коньках молодости так созвучен времени. Страна бурно развивалась, также быстро менялась жизнь у читательниц женских журналов. Да, конечно, это эмоциональное наполнение во многом — выполнение пропагандистского заказа. Слова И. Сталина, например, о том, что «жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее»[6], многократно тиражировались и творчески развивались, как и другие его высказывания. Отдельная большая тема, которой бы не хотелось сейчас касаться, — это пропаганда в печати лозунгов и идей, высказанных в речах лидеров страны и партийных документах той эпохи. Но в данном случае примеров можно найти много: развитие страны ассоциировалось с молодостью: «молодая страна Советов», «в молодежи — наша сила», «молодая промышленность» и т.п.

[4] *Зацепина Г.* Летчица // Работница. 1933. № 31. С. 15.

[5] *Берендгоф Н.* Коньки // Работница. 1941. № 3. С. 2.

[6] Сказано И. В.Сталиным в ноябре 1935 г. в выступлении на Первом Всесоюзном совещании рабочих и работниц-стахановцев.

Образ движения, полета всегда присутствует в очерках о летчицах. В нем есть пафос покорения неба, триумф создания и освоения сложной техники, победы людей над стихией, страхом, над косностью и стереотипами. Неслучайно о летчицах много публикаций — на примере их достижений легко было доказывать, что советской женщине доступны любые высоты[7]. Визуально эта тема поддерживалась многочисленными фотографиями, в том числе и на обложках женских журналов. На них изображены отважные женщины: в летных комбинезонах, в офицерской форме, иногда около своих самолетов и с парашютами в руках[8].

Одной из первых запоминающихся публикаций на эту тему стал очерк о курсантке летной школы М. Крутовой[9] в 1932 г. Героиня подробно рассказывает о том, как она «пробивалась» в летчики. С детства она хотела летать, «завидовала птицам и пилотам». А когда стала взрослой, то решила, что пришло время «превратить мечту в действительность». Ей говорили: «Куда тебе в летчики? Иди-ка лучше в медтехникум... То ли дело быть акушеркой! А о самолете и думать забудь. Или лучше мужа летчика себе найди». Она смогла уговорить секретаря городской организации Осоавиахима, чтобы дал направление в гарнизонную военную комиссию. Там врач заставил ее обходить всех врачей. Когда девушка возмутилась, что парней за 15 минут осматривают и никаких справок с них не требуют, доктор засмеялся: «Любишь кататься, люби и саночки возить. Мы к мужскому организму привыкли. С одного взгляда можем определить — годен парень в военную школу или нет. А вы у нас — первая девушка. За все тридцать лет моей практики впервые приходится в военную школу женщину принимать».

Девушка собрала все восемь справок, пишет, что «как в огне горела: все по врачебным кабинетам бегала». Потом комиссия в военной школе еще 40 минут ее смотрела и 30 минут совещалась. Наконец заявили, что она «признана годной» для поступления в летную школу. «Ну, думаю, приоткрылись двери в голубые просторы. Схватила бумажку — и давай драла, пока не задержали»[10]. Собрала узелок и поехала в Ленинград. Краевая отборочная комиссия опять долго совещалась и, наконец, признала, что героиня здорова, годна к службе, но ... нет у них «женских мест в школу». Энергичная девушка купила билет и поехала в Москву: «Ну, думаю, в Реввоенсовет обратиться можно, но сначала обращусь-ка я в редакцию своего журнала “Работница”... Приняли меня в редакции хорошо. Объяснила я там свои похождения... и мне посоветовали поступить

[7] См. сноску 3 в данной статье.

[8] Работница. 1935. № 19, 25, 33; 1937. .№3; 1939. № 21, 27 и др.

[9] Хочу быть летчиком // Работница. 1932. № 1. С. 18—19.

[10] Там же. С. 18.

в Военно-воздушную школу специальных служб. Наконец осуществилась моя мечта» — пишет Мария Крутова[11]. Учиться ей было легко, еще и отстающим помогала. Кроме нее в школе были еще девушки. «Парни относятся к нам хорошо. Есть, правда, некоторые единичные случаи не товарищеского отношения, но они постепенно изживаются. Да такие мелочи — ничто в сравнении с радостью достигнутой цели».

На фотографиях героиня снята в военной форме: в гимнастерке, фуражке, в галифе и сапогах — вид неженственный. Мария с удовольствием рассказывала журналисту, как преодолевала трудности, уговаривала врачей, проявила сообразительность, твердость, использовала все возможности — и добилась своего. Она стала не просто летчицей, а офицером Красной армии. Абсолютно свободная, уверенная в себе женщина, никаких сомнений в том, что она может быть летчиком и офицером, у нее никогда не было. Новые советские героини с успехом преодолевали трудности, не смущались, легко ехали в другие города, как дома чувствовали себя в большой стране. Осуществление мечты четко формулируется в этом очерке как жизненная цель, как новая ценность.

Кумиром молодежи в 1930-х гг. была летчица Полина Осипенко. За участие в 1938 г. в беспосадочном перелете по маршруту Москва—Комсомольск-на-Амуре вместе с Мариной Расковой и Валентиной Гризодубовой она получила звание Героя Советского Союза. Участвовала и в перелете Севастополь—Архангельск вместе с В. Ломако и М. Расковой. В 1938 г. на обложке журнала «Работница» опубликован портрет летчиц[12] П. Осипенко, М. Расковой и В. Ломако, а в самом журнале — рассказ об их перелете на гидросамолете от Черного к Белому морю, о них рассказывают их сослуживцы. Однако это довольно сухие, формальные заметки.

Подробный рассказ[13] о Полине Осипенко был опубликован только в 1941 г., уже после ее гибели. «Замечательной женщиной нашего времени», которая прожила «славную, полную подвигов жизнь», называет автор очерка Полину Осипенко. Ее короткая, но полная побед биография — наглядный пример того, как советские женщины использовали открывшиеся для них возможности. П. Осипенко родилась в бедной семье в украинском селе, с юных лет батрачила «на кулацких огородах». Случайно увидела она самолет, который приземлился недалеко от села. Так родилась ее мечта — летать. В школу летчиков П. Осипенко не взяли, нужно было семилетнее образование, а она училась всего два года. Тогда Полина

[11] Там же. С. 19.

[12] Работница. 1938. № 21.

[13] См.: *Рагинская И.* От мотыги к сталинскому самолету // Работница. 1941. № 13. С. 2.

устроилась официанткой в столовую школы, все свободное время училась сама. Вспоминала, как это было трудно. Несколько раз ей отказывали, не зачисляли. Наконец «мечта осуществляется: при помощи партийной организации школы» — Полина стала курсантом. Сильная, уверенная в себе, она упорно училась. «Уйдет, бывало, рота в кино или в театр, а я сижу за книгой» — вспоминала она. Самым большим счастьем Осипенко называет возможность летать, в день первого полета ей «казалось, что она родилась снова».

Советские героини этой эпохи искренни и непосредственны. В рассказе о себе они в чем-то разрушают стереотипы эпохи, созданные печатной пропагандой. Не плакатный, а живой и очень человечный рассказ о смысле жизни возникает из воспоминаний Полины Осипенко и Марины Расковой, о которой речь еще впереди. Жаль, что таких примеров очень мало в журналах для женщин, очерки в которых писались в русле партийной пропаганды, сухо и однообразно. А ведь речь шла не просто о рекордах, а о личностях женщин, сложных, интересных, эмоциональных.

Вот, например, Полина Осипенко рассказывает, что ей постоянно приходилось преодолевать собственные страхи. Боялась прыгать с парашютом, но гораздо больше боялась струсить и не спрыгнуть: «Вышла я на плоскость, посмотрела вниз и чувствую, как из какой-то душевной щели начала высовываться мордочка страха. Чтобы много не раздумывать, я... кувыркнулась в воздушный омут». Летчица овладела высотными полетами, освоила гидросамолет, установила семь рекордов по высоте и дальности полета. Прожила «прекрасную, яркую жизнь».

Живой образ этой женщины может быть дополнен такими словами: «Мне всегда хотелось быть без единого пятнышка, быть кристально чистой. Вот к чему я стремилась всю жизнь». Редкая возможность узнать чуть-чуть приоткрывшуюся душу этой женщины. Такой подход к своей жизни — прожить ее в кристальной чистоте — характеризует Полину больше, чем все общие слова о подвигах и рекордах.

И герои, и простые современники этой эпохи, как правило, не говорили о своих душевных переживаниях, о своих сокровенных мыслях и чувствах. Они следовали стереотипным представлениям о том, что и как должна говорить героиня: о готовности отдать жизнь за Родину, о благодарности партии и Сталину и т.п. Конечно, часть этих речей говорилась искренне, от души. Но часть — по трафарету, потому что вокруг все так говорят. И вот именно в воспоминаниях летчицы такой удивительно искренний для этой эпохи рассказ о себе, своей душе.

В большинстве публикаций П.Осипенко представляла собой живой пример того, как реализовались призывы журнала «Работница» к женщинам: смело мечтать, учиться, дерзать, осваивать новые профессии, сложную технику, самим строить свою жизнь. В ее биографии все детали типичны, читательницы журнала могут узнать в ней соседку по общежитию, рабфаку или цеху.

Образ П. Осипенко запоминается еще и потому, что она погибла молодой, разбилась в 1939 г. В заявлении СНК и ЦК ВКП(б) о гибели Героев СССР летчиков Анатолия Серова и Полины Осипенко[14] не названы причины трагедии[15]. Но подчеркивалось, что они были лучшими представителями счастливой советской молодежи, которой с детства открыты все пути в мир труда и науки. Об А. Серове мало что можно узнать из правительственного заявления. А вот про Осипенко написаны не совсем привычные для такого жанра строки: «Ровная, простая, душевная, она покоряла всех своим характером. Любовь народа распространялась вокруг скромной, милой женщины, одетой в военную форму. ...Человек большой души, ...она свои мечты претворяла в действительность... Будем любить родину как она. Это лучший памятник дорогой летчице от советских женщин»[16].

Еще одна летчица, Марина Раскова, личность которой немного больше, чем обычно, раскрыта в публикациях журналов для женщин. Она стала знаменитой после участия в перелетах с В. Гризодубовой, П. Осипенко и В. Ломако. В 1939 г. в журнале «Работница»[17] были напечатаны отрывки из книги «Записки штурмана», в которых Марина Раскова рассказа о себе. Каким предстает образ этой женщины? Собственно, из книжки выбран отрывок, в котором героиня описывает, как их экипаж встречали в Москве после рекордного перелета Москва—Комсомольск-на-Амуре. В нем М. Раскова была штурманом экипажа, при вынужденной посадке прыгнула с парашютом отдельно от остального экипажа и 10 дней шла одна по тайге, пока ее нашли.

Итак, рассказ М. Расковой начинается с встречи героинь в Москве. Прием в Грановитой палате Кремля: «сильно бьется сердце. Сильно и как-то по-особенному... И вот мы видим: идет товарищ Сталин в своем обыкновенном сером костюме. Лицо у него улыбающееся, веселое. ...Мы бросаемся к товарищу Сталину и все по очереди целуем его. Валя Гризодубова целует первая, предварительно спросив: — Разрешите, товарищ Сталин, вас поцеловать? — А мы с Полиной целуем уже без разрешения. ...Все кругом стоят и смеются. Самого дорогого в стране человека целуют три простые советские девушки»[18].

---

[14] Родина их не забудет // Работница. 1939. № 15. С. 6—7.

[15] Они разбились во время экспериментального «слепого» полета.

[16] Родина их не забудет // Работница. 1939. № 15. С. 7.

[17] См.: *Раскова М.* Записки штурмана // Работница. 1939. № 6. С. 12—13.

[18] Там же. С. 12.

Марина Раскова считает себя и подруг «простыми» девушками, а не героинями, награжденными орденами и медалями, кумирами миллионов. На приеме ее посадили между Сталиным и Ворошиловым — «она рядом с ними еще не сидела». На вопросы Сталина, как ей «жилось в тайге», что она ела, было ли холодно ночью, Марина ничего ответить не может от волнения. Сталин «видит, какая я бестолковая, ничего не могу путного ответить, начинает общий разговор», спрашивает про детей, предлагает их позвать. Дальше Сталин и Ворошилов разговаривают, играют и даже поют с детьми Расковой[19].

Раскова не столько себя чувствует героиней встречи, сколько рассказывает о Сталине: он смотрит концерт, просит хор спеть его любимую песню «Закувала», он любит украинские песни и подпевает хору, как и Ворошилов. Они просят ее Танюшу спеть любимые песни, она с удовольствием поет, и все ей подпевают, а мать-летчица удивляется, сколько песен выучила ее дочь, пока она «летает и летает».

М. Раскова также подробно пересказывает и содержание тостов на этом приеме. Сталин говорит «просто, замечательно умно и остроумно...» о матриархате, о том, что женщины оказались «значительнее» мужчин, и о том, что эти три советские девушки символизируют освобождение веками угнетенных женщин. Ничего нового нет в речах Сталина, во многих публикациях журналов для женщин мы найдем подтверждение этим словам на многочисленных примерах. Но эта встреча отображена значительно теплее, эмоциональней традиционных журнальных публикаций. Образ Сталина для женской аудитории рисуется очень человечный, значительно расширяющий широко растиражированное понятие «отец». Играет с детьми, ободряет смущенную Раскову — точный, продуманный жест. Или просто естественное поведение Сталина-человека, а не вождя?

Каким предстает образ Марины Расковой из этой публикации? Она своим трудом, упорством и смелостью заработала право быть летчицей и участвовать в рекордных перелетах. Ее судьба — наглядный пример новых возможностей советской женщины, которая сама строит свою судьбу. На первом месте у нее работа и государственные интересы, а не семья и дети. Но хотелось бы отметить и то, что себя героини ощущают «простыми советскими девушками», для которых большая честь сидеть рядом с руководителями государства. Читая «Записки», представляешь М. Раскову веселой, раскованной, любящей жизнь, но серьезно относящейся к своей профессии, к своим обязанностям. Она видит в своем «звездном

[19] Там же. С. 13.

статусе» больше обязанностей, чем привилегий. На примере М. Расковой и ее подруг демонстрируются реальные социальные достижения строя.

Как новые советские герои и героини воспринимали свою Родину? Как страну, которая дала им возможность воплотить в жизнь мечту, реализоваться профессионально, как страну-дом, где так «вольно дышит человек». Как страну, которая дала им все, что они имеют, которую они будут защищать ценой своей жизни. Как страну, где их жизнь напоминает сказку, настолько быстро и фантастически она меняется.

В данном случае важно отметить, что такие героини, как В. Гризодубова, М. Раскова, В. Ломако, П. Осипенко и другие летчицы, не просто олицетворяли новые возможности советских женщин. Нет, их образы символизировали героя (точнее, героиню) — нового человека, носителя «особых качеств души», человека-строителя и созидателя нового социалистического общества. В палитре душевных качеств и ценностных установок такого героя была и готовность умереть за свою Родину. Марина Раскова в годы Великой Отечественной войны руководила формированием женских полков и была командиром женского бомбардировочного авиаполка, погибла в 1943 г.

Тема смерти в публикациях женских журналов о войне

В отличие от героев труда, стахановцев, герои-летчики и летчицы часто погибали. В рассказах о них присутствует романтизация подвига во имя Родины. А подвиг этот часто заканчивался смертью — смертью во имя Родины.

Вот на страницах «Работницы» в 1937—1939 гг. публикуются очерки о героинях-летчицах, а через несколько номеров — некролог. Полина Осипенко погибла вместе с Героем СССР А. Серовым, мужем актрисы Валентины Серовой. Погиб В. Чкалов, о котором публиковались такие теплые, душевные очерки. У него была прекрасная семья, он нежно любил своих детей, но его жизнь не семье принадлежала, а Родине. Можно ли говорить о романтизации смерти в 1930-х гг.? Смерть во имя Родины — частый (если не сказать — непременный) атрибут образа героя, каким его рисовала печать. Все они «отдали свои жизни Родине» — так было написано в некрологах. То есть прожили жизнь не зря, совершили подвиги и умерли тоже не просто, а «отдали жизнь» Родине. Как будто жизнь — это предмет. Есть еще подобные обороты в журналистских текстах довоенного периода. Существовали такие штампы: «давать ребенку воспитание», как будто воспитание — это манная каша. Или: впечатления юности «пронес через годы», учителя «несли свет зна-

ний». Вроде бы эти конструкции говорят о свободном выборе человека, его решении — отдать или нести и т.д., или это осознание своей миссии.

Как отдали жизнь герои? Выполнили свой долг, ценой своей жизни спасли жизни других людей, осваивали новую технику или неизведанные земли. Но таких смысловых категорий нет в анализируемых текстах. Умер — во благо Родины, а как именно и почему — так вопрос не ставился. Мы видим только один мотив — жизнь героя принадлежит Родине и отдана на благо Родины, смерть героя — часть его подвига. Конечно, эта интерпретация журнальных публикаций носит сугубо авторский, субъективный характер. Но все же тема смерти в пропаганде подготовки и участия женщин в грядущей войне должна была иметь определенное место и определенное решение.

Как писали о смерти в журналах для женщин? Женщина — символ жизни, продолжения рода, ранняя смерть для нее противоестественна. Хотя женщины рисковали жизнью часто: роды, аборты. В 1926 г. от заражения крови после родов умерла главный редактор журнала «Крестьянка» М.В. Куйбышева[20]. Но как рассказывать женщинам о смерти на войне? Вот подходящий пример: в рамке (она редко появлялась на страницах журналов и ассоциировалась только с траурными объявлениями) опубликовано в начале 1941 г. письмо матери призывника В. Печениной[21]. Она пишет, что год назад ее старший сын — 23-летний лейтенант — политрук Илья Иванов погиб в боях «с белофиннами, защищая счастье родины, которую он безмерно любил. Таким сыном я горжусь, тяжелую утрату, великую горесть и скорбь несу с особой материнской гордостью». Теперь она проводила на службу во флот второго сына, младшего. Ему наказ — быть достойной сменой брату. «Он уехал бодрым и веселым и обещал не осрамить моих седин». Показательный пример того, как советская мать должна относиться к гибели своих детей на службе Родины — горесть нести «с особой гордостью».

Как переживали семьи героев их смерть? Есть несколько примеров таких публикаций. Образ героя должен был быть безупречным во всех аспектах. После его смерти показатели безупречности демонстрирует семья героя.

Прекрасный очерк М. Зингера[22] о семье летчика Николая Годовикова был опубликован в 1940 г. Годовиков был бортмехаником в экипаже С.А. Леваневского, который совершал перелет через Северный полюс в 1937 г. Их самолет пропал без вести где-то около

[20] Не стало М. В. Куйбышевой // Работница. 1926. № 3. С. 7.
[21] *Печенина В.* На смену брату // Работница. 1941. № 4. С. 9.
[22] См.: *Зингер М.* Большая семья // Работница. 1940. № 34. С. 8—9.

побережья Аляски. Нигде в очерке летчик не назван по имени! Но отношение его к семье — жене и детям — описаны как положительный, в каком-то смысле идеальный пример для читательниц журнала «Работница». У Годовикова осталось семеро детей. Он трогательно относился к жене: освобождал ее от хождения по магазинам, помогал во всем. Очень любил своих детей, помогал их купать, качал их ночью. Вот пример: «Бывало, взглянет на жену и скажет:

— Ты, Любаша, чем-то расстроена. Захлопоталась. Я тебе сейчас помогу...

Так привыкли в семье к этой отцовской помощи настоящего советского семьянина, отдающего детям весь свой досуг, и вдруг... не стало отца», — пишет автор очерка. Друзья героя помогали его семье, его дети старались хорошо учиться, а жена — вырастить их и выучить. Теплый очерк, очень человечный в некоторых деталях.

Но все же цель очерка показать идеального героя и его семью — как образец для подражания. Вдова и дети летчика стараются в память о нем быть идеальными тоже. В очерке нет место слезам и другим проявлениям горя. Хорошие оценки — вот память детей об отце, заботливая мать ведет дом, растит детей — выполняет свой долг. Этот сценарий не оставляет места для нормальных человеческих эмоций: жены героев не плачут, а соответствуют своему положению. Кстати, сын Годовикова Алексей, тоже летчик, в годы Великой Отечественной войны воевал. В 1942 г. погиб в бою и посмертно получил звание Героя Советского Союза. Это подтверждение достоверности очерка о прекрасной семье и детях героя? Очень может быть, что да. Однако смысл публикации в женском журнале — не просто зафиксировать реальный факт, а создать целостный образ, положительный пример.

Еще два примера таких идеальных вдов героев, упоминаемых в публикациях женских журналов, — Ольга Чкалова и Валентина Серова. В день 60-летия Сталина — «нашего любимого вождя, отца и друга советских летчиков» — в Кремль пригласили Ольгу Чкалову и Валентину Серову.

В 1940 г. был напечатан очерк[23] о Валентине Серовой, вдове летчика — Героя СССР Анатолия Серова. Кстати, журналистка не называет Валентину вдовой, она — жена героя. Образ Серовой рисуется такими красками: хороший товарищ, смелый художник, энергичная общественница, комсомолка, не боявшаяся никаких трудностей и испытаний. Валя и в других людях ценит мужество, отвагу и преданность делу социализма и советской родине.

Муж, летчик Анатолий Серов, описан как скромный и простой, мужественный герой, опытный и неустрашимый боец, виртуозный

[23] См.: *Чалая З.* Жена героя // Работница. 1940. № 12. С. 13—14.

летчик, отважный и смелый новатор, бесстрашный боец и командир, замечательный товарищ и друг, скромный и чуткий. «История их встречи, их роман, их первый год совместной жизни полны неиссякаемой прелести, чудесной красоты, молодости и счастья», — пишет З. Чалая[24]. Валентина «мужественно пережила трагическую утрату мужа, она с неумолимым упорством ушла в работу, зная, что труд социалистический, свободный, любимый труд — единственное средство облегчить страдания и тяжкую потерю в личной жизни» — так общими словами рассказывает автор о вдове, которая потеряла мужа за несколько месяцев до рождениях их ребенка. Далее автор приводит свидетельства того, что советское правительство, и прежде всего товарищ Сталин, окружили «мать и ее ребенка чуткой заботой».

«Валентина Серова избрана депутатом Моссовета, как актриса она неустанно работает, как мать она окружает своего маленького сына исключительной заботой, испытывая в этом великое чувство материнской радости» — так заканчивается очерк о вдове героя — перечислением ролей, которые ей приходится играть не в театре.

Особенности публикаций о военных конфликтах 1930-х гг. в женских изданиях

В предвоенное десятилетие уже очевидно было нарастание частоты военных конфликтов: война в Испании, столкновения на острове Хасан и у Халкин-Гола, «добровольное» присоединение территорий Западной Украины и Белоруссии по пакту Молотова—Рибеннтропа, война с «белофиннами». Все военные конфликты с участием СССР освещались в изданиях для женщин, поэтому количество таких публикаций заметно росло в предвоенные годы. В разных жанрах — заметках, очерках, рассказах — с разной долей вымысла журналы формировали представление женщин о войне и образ женщины на войне. Военная тема была важной на протяжении всего довоенного периода и поддерживалась изданиями для женщин постоянно, другое дело, что формы и содержание этой пропаганды менялись в зависимости от ситуации. Так, после столкновений на острове Хасан и начала советско-финской войны тема военной подготовки женщин из рутинных партийно-профсоюзных отчетов трансформировалась в заметки и очерки о героинях, принимавших участие в реальных боевых действиях. Публикации о военных событиях очень разные: от заметки[25] о том, как женщины — жители окрестных деревень и жены военных помогали

[24] Там же. С. 13.

[25] Работница. 1939. № 4. С. 5—6.

во время боев на острове Хасан до рассказов о вымышленных героях.

Какие особенности можно отметить в этих публикациях? Обилие деталей не делает рассказы о войне правдоподобнее. Вот типичный пример: очерк о Кате Андреевой[26], публикация 1940 г. Она участвовала в боях с «финской белогвардейщиной», была награждена медалью «За боевые заслуги».

О себе Катя рассказывает: окончила в Ленинграде школу медсестер, год работала в больнице, потом пошла в военкомат, чтобы уйти на войну добровольцем. Ее воинская часть попала в окружение, бои шли в тылу врага. Девушка помогала трем бойцам, которые сами не могли идти, они отстали от остальных, оказались ночью в сугробах, без оружия, одни. Услышали шорох лыж, Катя закричала: «Шестой батальон, направо, пятый — налево! За Родину, за Сталина, вперед!» По ним дали несколько очередей, они плутали в лесу, но до рассвета нашли своих. Над девушкой посмеивались бойцы: в ее ватных шароварах застряла пуля, батальонов было всего три, а она командовала пятым и шестым! Но все признавали героический поступок и смелый характер девушки. Скупо описаны подробности фронтовой жизни: обстрелы, нехватка хлеба, контузия и т.д. Приводится только один трагический эпизод: когда врач Вознесенский был ранен в живот, он достал пистолет и застрелился. Перед смертью он сказал, что сам врач и знает, что с такой раной он не выживет: «Идите вперед и будьте счастливы!»[27]. Этот эпизод никак не комментируется и настроение публикации не изменяет. Героиня цела и невредима, пули свистели у ее головы, но не задевали ее. Раненые, за которыми она ухаживала, все живы. Все обстоит вроде бы благополучно, хотя идет тяжелая война, на которой было множество жертв.

Вот как представлена война в первые недели Великой Отечественной войны. «Рассказ партизанки Насти К.», который ведется от первого лица, практически повторяет публикации довоенного периода. «Я разведчица — пишет героиня. — Работа моя рискованная, опасная для жизни. Этим она и интересна. Захватывает меня она так, что забываешь все остальное. На днях мне исполнилось 18 лет. Когда-то я мечтала отметить этот знаменательный день по-иному: думала ко дню рождения повысить свой разряд, стать квалифицированным слесарем на фабрике. Война внесла поправки в мою жизнь. Я оставила станок и родной очаг, пошла туда, где опасно, где решается судьба моей отчизны. Труден и опасен каждый шаг партизана. Это люди, которые не боятся смерти, не отступают перед

[26] См.: *Фиш Г., Ходаков В.* Мужество советских людей // Работница. 1940. № 30. С. 14—17.

[27] Там же. С. 17.

опасностью»[28]. Далее следует рассказ о том, как девушка пошла в разведку. На обратном пути группу заметили немцы, открыли «бешенный пулеметный и минометный огонь», все, кроме нее, погибли. Но она удачно добралась до леса и отчиталась о выполненном задании.

Вопрос, почему женщины пошли воевать, интересовал С.А. Алексиевич, автора историко-документальной книги «У войны не женское лицо». Она написала в предисловии к этой книге, что «...мы имеем дело с историческим феноменом. Никогда еще на протяжении всей истории человечества столько женщин не участвовало в войне...»[29]. На огромном документальном материале Алексиевич доказывает, насколько тяжелой была для ее героинь война, насколько противоречила она женской природе, как калечила в прямом и переносном смысле. Однако женщины пошли на эту войну, проявили чудеса массового патриотизма, героизма и самопожертвования. Почему?

Наверняка ответить невозможно, складывалось это явление из множества составляющих. Пропагандистская работа женских журналов — один из аспектов ответа. Нравственным ориентиром для женщин должны были стать образы героинь, совершивших подвиги: Полины Осипенко, Марины Расковой и других. Есть и аспект реализации равноправия — женщины равны мужчине в труде и в бою. Освоили мужские профессии на производстве, могут и должны встать вровень с мужчинами в армии, в бою. Есть и энтузиазм 1930-х гг. — «нам нет преград» ни в чем, включая подвиг. Да, хотелось бы еще подчеркнуть и то, насколько идеалистичны, иногда романтичны и в значительной степени нереалистичны были представления о войне, формируемые довоенной печатью.

Для нас сейчас есть значительная разница в оценке войны с «белофиннами» и Великой Отечественной. А ведь для читательниц женских журналов, вообще для советской аудитории 1930-х гг. этой разницы не было.

Героини Алексиевич говорят: «они пошли, потому что «мы и Родина — для нас это было одно и то же» (Тихонович К.С., зенитчица)[30]. «Вопрос стоял — быть или не быть стране, народу? Поэтому они пошли воевать — за народ, за Родину» — так отвечает на него Алексиевич. Я бы обратила внимание также и на представление о том, что для ее героинь Родина важнее собственного благополучия и жизни. Эта позиция формировалась очень активно в довоенной печати и может быть непонятной современному человеку с его культом индивидуализма.

[28] По знакомым тропам // Работница. 1941. № 35. С. 7.
[29] *Алексиевич С.А.* У войны не женское лицо. М.: Советский писатель, 1988. С. 14.
[30] Там же.

Какое значение имели публикации очерков и рассказов, связанных тематически с военной подготовкой женщин, для женской аудитории? С помощью образов героинь показывался новый стереотип поведения женщины, — свое равноправие она доказывает с оружием в руках. Женщина может и должна воевать за социалистическую родину, которая дала ей эту свободу, — вот главный вывод из сказанного. Такая активная жизненная позиция поддерживалась множеством ситуационных примеров в женской печати этого периода. С помощью образов героинь романтизировался подвиг, в том числе и на войне.

С одной стороны, пропагандисты не хотели вызвать панику среди женщин, нагнетая в условиях мирного времени пропаганду военной подготовки. Поэтому у многочисленных публикаций по этой теме были и другие смысловые акценты. Женщины ставили рекорды, что подчеркивало их равноправное положение. Женщины служили в армии (в основном летчицы) — это тоже символ равенства, овладение мужской профессией. Физическая закалка (умение ходить на лыжах, прыгать с парашютом, бегать и пр.) помогала женщинам в их основных профессиях (например, геолога или врача). Именно так увязывалась тема военной подготовки с широким спектром производственных публикаций.

С другой стороны, постоянное присутствие военной темы в печати, предназначенной для женщин, наравне с рассказами о любви, о женской доле, о профессиональном становлении и прочими темами делали войну как бы непременной частью жизни советской женщины.

Список литературы

Алферова И.В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма (первое десятилетие советской власти. 1917—1927 гг.): Дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2011.

Поступила в редакцию
06.03.2013